

Танцуешь – значит рискуешь

Судьба Анны АНТОНИЧЕВОЙ, отметившей свой первый юбилей – 10-летие работы в Большом театре, – воплощает почти несбыточный идеал ее сверстников и коллег: в 17 лет она стала артисткой Большого, в 22 исполнила первые значительные главные роли в “Легенде о любви” и “Спартаке”, в 25 завоевала “золото” на престижном международном конкурсе и получила звание заслуженной артистки России. В Большом Анна танцует главные партии в “Жизели”, “Спящей красавице” и “Баядерке”, в Америке – в знаковой балете Баланчина “Аполло”. Она ездит на фестивали в Самару, Сыктывкар, Якутск, а за рубежом уже пять лет неизменно участвует в гала-концертах международного балетного проекта “Звезды XXI века”.

– Аня, пожалуй, в минувшем сезоне ваше имя звучало в новостях гораздо чаще имен ваших коллег. А что для вас самой было самым ярким и запоминающимся?

– Событий, действительно, было очень много. Но самое главное – это репетиции с Юрием Николаевичем Григорьевичем. Когда-то Фригина в “Спартаке” и Ширин в “Легенде о любви” были моими первыми главными партиями, но работать с ним лично мне никогда раньше не доводилось.

В этом году я много гастролировала с Большим театром – танцевала в Петербурге, Италии, США. Так получилось, что и в Турине, и в Вашингтоне я станцевала чуть ли не вдвое больше спектаклей, чем было запланировано, – вынуждена была срочно заменять заболевших. Но, слава Богу, все прошло удачно, пресса была замечательная. А сразу после Вашингтона я улетела в Глазго, где участвовала в необычном и очень интересном концерте: Национальный оркестр исполнял фрагменты из “Ромео и Джульетты”, “Спартака”, “Щелкунчика” и других балетов, а я танцевала.

– Вашей карьере можно позавидовать. Вас ведет по жизни судьба или вы конструируете ее сами?

– Чтобы судьба состоялась, мало одного желания самого человека. Необходимы желания и усилия многих людей. И – счастливый случай. Я родилась и начала учиться в хореографическом училище в Баку. В 87-м году у нас в городе проходил Первый Закавказский конкурс артистов балета. Мне тогда было 14 лет, и, в принципе, я еще не имела права в нем участвовать. Но один из организаторов, Александр Максов, сказал, что я обязательно должна выступить. Не знаю, что он предпринял, но к участию меня допустили. Я завоевала золотую медаль в младшей группе и приз зрительских симпатий. После этого несколько человек посоветовали маме отвезти меня в Москву или Ленинград. Ей очень хотелось, чтобы я училась в Вагановском училище – она сама когда-то там стажировалась. Но в Ленинграде нам сказали, что по окончании училища я обязательно должна буду вернуться домой. И... мы отправились в Москву, хотя там у нас не было знакомых. Но меня приняли без проблем. В Баку у меня был очень хороший педагог – Элла Петровна Алмазова, но все же приехать из провинции и сразу попасть в класс к Софье Николаевне Головкиной – это очень большая удача.

– Учиться в классе Головкиной было привилегией?

– Своих учениц Софья Николаевна в обиду не давала. Правда, это было только в школе – на театр уже не распространялось. Но меня, можно сказать, она пропихнула в этот театр – если бы не она, никто не взял бы в Большую без прописки. Софья Николаевна позаботилась о том, чтобы я еще целый год жила в интернате и училась в институте.

– В вашей жизни были такие моменты, когда стоял вопрос, продолжать работать, не жалея себя, или не перетруждаться и спокойно осесть в кордебалете?

– Когда я только пришла в театр, никаких авансов у меня не было – только розовые мечты. Великие мечты, как у любой девочки после школы. Выбиралась я из кордебалета очень медленно, постепенно проходя все существующие в театре ступени – корифейные места, солильные вариации, партии первой солистки. Первую главную роль получила только в начале своего пятого театрального сезона. Все эти годы я работала с Мариной Викторовной Кондратьевой: она заметила меня еще в кордебалете. Мы вместе провели в репетиционном зале сотни часов, перелопатили такое количество партий! Это она сделала из меня профессионала. Теперь я очень хорошо понимаю, что после училища дейст-

вительно была не готова стать балериной.

– Какой шаг вы считаете важнейшим в своей карьере?

– Летом 95-го года группа наших солистов ездила в Италию. Наталия Игоревна Бессмертнова, которая руководила поездкой, взяла и меня тоже. Это были первые серьезные гастроли в моей жизни, я вообще впервые в жизни танцевала па де де из “Лебединого озера” и адажио из “Каменного цветка”. Я привезла запись этих концертов в Москву и показала кассету Вячеславу Михайловичу Гордееву – он как раз только что стал руководителем балетной группы в нашем театре. И он тут же дал мне Ширин в “Легенде о любви”. Это был решающий момент в моей жизни – я впервые танцевала главную партию.

– С какой интенсивностью вам надо работать, чтобы чувствовать себя ни перегруженной работой, ни сидящей без дела?

– Когда я только начинала набирать балеринский репертуар, мне давали по три новых спектакля в сезон. И это не было для меня чрезмерной нагрузкой. Поэтому когда я целый год сижу без премьеры, – это просто катастрофа.

– Уже несколько лет вы регулярно танцуете в Америке.

– Сразу после конкурса в Джексоне меня пригласили танцевать “Щелкунчика” в Америке. Мне это показалось интересно – попробовать себя в спектакле, который я наверняка никогда не станцую в Москве. С тех пор у нас сложилось постоянное сотрудничество, меня регулярно зовут туда на новые постановки. А для балерины участвовать в премьерном спектакле – это неповторимые ощущения. Ты не просто учишь сто лет назад придуманный текст, а приходишь в зал, рядом стоит балетмейстер и некоторые движения, комбинации делает специально “на тебя”. В прошлом году я станцевала там два новых для себя спектакля – “Паланини” в постановке Лавровского, моим партнером был Саша Ветров, и “Боядлер”. Этот спектакль ставил Пол Мехия, который уже приглашал меня танцевать “Амлета” и “Ромео и Джульетту” на музыку Чайковского – очень короткую, сжатую, лаконичную версию, в которой нет никаких “побочных” бытовых сцен, а все сосредоточено на чувствах Ромео и Джульетты. Оба спектакля поставлены в классическом стиле, а “Боядлер” же несколько иной. Для меня это был первый “неакадемический” опыт, поэтому отказаться от него я никак не могла. В нашем понимании это типичный бессюжетный спектакль. Но, как говорил Баланчин, если на сцене есть мужчина и женщина, – это уже сюжет. А Мехия – ученик Баланчина: он танцевал в его труппе, был мужем Сюзен Фаррелл, для которой и создал все эти балеты. “Боядлер” – спектакль для балерины и мужского кордебалета. Это рассказ о женской судьбе, или, говоря конкретно, трагедия одинокой женщины. Вся ее жизнь проходит в окружении мужчин – и любящих, и равнодушных – разных. Но в этой толпе она всегда остается одна, не находит своего избранника. Сцена напоминает ресторанный зал, на ней даже расположен оркестр. У меня там две вариации, три дуэта с тремя разными партнерами и общая сцена, когда я – на каблуках – танцую в окружении мужского кордебалета. Это был интересный эксперимент.

– Что держит вас в Большом?

– Не представляю, как смогла бы работать в другом месте. В этом театре вся моя жизнь. К тому же я станцевала еще не все из того, что хотела.

– А есть партии, от которых вы раз и навсегда отrekliсь?

– Мне интересно танцевать все. Я очень любила Джульетту в спектакле Лавровского, хотя мало ее танцевала. Захватывает “черное” “Лебединое”, “Дон Кихот”. Мне больше нравятся роли живых людей, чем теней.

Хотя наше руководство, кажется, видит меня исключительно лирической балериной: даже на недавних гастрольях в Англии у меня выстроился “белый” репертуар – “белая” картина “Лебединого”, “Тени”, “Спящая”.

– Но ведь и раньше та же Кондратьева никогда не танцевала “Дон Кихот”, а Максимова и Павлова по одному разу выступили в “Лебедином озере”. Существовали границы, за которые балерину не выпускали.

– Я считаю, сильно урезать балерине репертуар нельзя – когда танцуешь один и тот же спектакль, начинается полная деградация. И я не раз слышала от наших мастеров мнение, что балерина имеет право попробовать все.

– Что вы планируете попробовать в ближайшее время?

– Уже второй год жду “Раймонду”, а ее все никак нет. Как только мне давали этот спектакль, я начинала о нем думать, пробовать, он тут же отменялся. Рада, что в конце сезона мне удалось станцевать хоть одно адажио из него. Еще присматриваюсь к “Сильфиде”, но это очень “щепетильный” спектакль. Пойдет ли он мне?

– Что вас смущает?

– Он очень сложен технически – у нас мало кто может хотя бы точно воспроизвести текст. Поэтому многое теряется, отменяется. Со времени премьеры, когда его замечательно танцевала Надя Грачева, он изменился неузнаваемо. Мне кажется, я еще внутренне не готова к этому спектаклю.

– А есть партии, в которых вам появляться не хочется?

– Нет. Хотя в самый первый год работы в театре, на репетициях “Корсара”, который ставил Константин Сергеев, меня определили в совсем уж глухой кордебалет. Обвзвали веревкой, одели в шаровары, нацепили балахон. Мне было так стыдно появляться в таком виде на сцене, что я даже заболела. Это мой единственный бюллетень за десять лет работы. Больше такой ненавистной партии у меня не было. Например, за место в “Тенях” в “Баядерке” мы

здает приподнятое настроение перед спектаклем. Сразу кажется, что все удастся, хочется быстрее выбежать на сцену...

– А прическу и украшения придумываете себе сами?

– Есть вещи, задуманные художником, а что-то позволительно добавить от себя. Если Одетта появится без белых перьев, никто этого не поймет. А в Одиллии уже можно пофантазировать.

– Счет ваших партнеров по всему миру уже пошел на десятки...

– Да, даже в Мариинском театре их уже трое.

– Кто наиболее адекватно воплощает для вас образ идеального партнера?

– У меня столько прекрасных партнеров! Не хочется никого обижать. Хотелось бы станцевать с Малаховым. Мне кажется, он должен быть замечательным партнером. Я видела его выступление с достаточной сложной партнершей. Но он, не смотря на свою мировую славу, постарался представить и ее в лучшем виде. В дуэте должна танцевать и красиво смотреться женщина, она не должна хвататься за воздух. Иногда вы смотрите из зала – красивое адажио, нормально прошло, а на самом деле балерина уже едва держится на ногах: партнер держит, но не на ногу. Вот ты так висишь и висишь. А попробуй провисеть семь минут в адажио в “Лебедином”! Представляете, какая после этого будет вариация?

– А вы ходите на балет как зритель?

– В балете все основано на традициях, младшие всегда учатся на спектаклях старших. Я тоже всегда ходила учиться. Потрясающее ощущение было на “Сильфиде” с Надей Грачевой. Я даже забывала анализировать, как она что делает, спектакль шел на одном дыхании. Но сейчас у нас в театре не осталось балерин старшего поколения. Кроме Ирины Степаненко, учиться не у кого. Это огромная проблема. Остаются только записи. Смотрю пленки Максимова, Бессмертновой, Семеняки. Когда я в первый раз увидела по те-

бесконечных гастролей в провинции. В последнее время вы тоже очень много танцуете в небольших театрах.

– Когда есть возможность, никогда не отказываюсь от предложений выступить в провинции. Там принимают необыкновенно! Когда я впервые приехала в Самару с Костей Ивановым танцевать “Жизель” и “Лебединое”, нас пригласили на телевидение и организовали прямой эфир со зрителями. Цельный час шли звонки – поздравляли, приглашали приехать еще. Поэтому я с удовольствием поехала в Самару снова. Там очень заинтересованный зал, профессионально понимающий балет. Уже трижды была в Бишкеке. Очень приятно, что там на спектаклях много детей из училища. Во время репетиций они стоят за дверью и обсуждают: “Мне так Белоголовцев понравился. А мне – Филин”. Потом подходят и задают вопросы, например, что надо делать, чтобы так высоко прыгать? Между прочим, в Бишкеке прекрасная сцена – небольшая, но новая, ровненькая. А какой прекрасный театр в Риге! У нас там случилась очень трогательная история. За нами закрепили машину с водителем, который возил нас из гостиницы в театр. Водитель с нами не разговаривал и изо всех сил делал вид, что русского языка не знает. Но после нашего спектакля он вдруг заговорил по-русски и даже устроил нам маленькую экскурсию по городу. Любовь публики очень подкупает. Когда видишь, что тебя ждут, как это было в Самаре, то начинаешь понимать, что ты нужна людям. Это искупает даже маленькие гонорары. Жаль, что сейчас у нас в театре почти нет гастролей по стране.

– Вы, кажется, являетесь и самой любимой московской балериной в Петербурге.

– Действительно я нигде не танцую так часто. Впервые я побывала в Питере с нашим театром во время обменных гастролей с Мариинкой – танцевала Фригию, Мирту и Принцессу-лебедь в васьильевском “Лебедином озере”. Второй раз я оказалась там совершенно случайно – в Мариинском театре срывался “Дон Кихот” из-за гастролей ведущих исполнителей, и их руководители обратились за помощью к Александру Юрьевичу Богатыреву. Он предложил поехать в Петербург нам с Димой Белоголовцевым. А я тогда только ввела в этот спектакль – на гастрольях в Египте. И получилось, что в Петербурге я станцевала “Дон Кихот” раньше, чем в Москве. Потом меня пригласили на 75-летие Аскольда Макарова – в юбилейном концерте я танцевала первый акт “Дон Кихота”. А спустя почти ровно год уже состоялась печальная поездка на концерт памяти Макарова. И прошлым летом я снова танцевала в Мариинском с Большим – на этот раз вторую картину “Лебединого”.

Выступать в Питере очень приятно – там зрители не просто профессиональные, но внимательны к артистам. Когда я приехала в Мариинский танцевать “Дон Кихота”, не было никакой рекламы – только перед самым началом спектакля известили о замене солистов. Но после первого акта я получила цветы с запиской: “Мы видели вас во время обменных гастролей в “Лебедином озере”, вы нам понравились, и мы поехали в Москву посмотреть вас в “Баядерке”. Очень интересно увидеть вас в новом амплуа – в “Дон Кихоте”. Я была покорена.

– Три года назад вы поехали на международный конкурс в Джексон. Это был неожиданный шаг – мало кто из ведущих балерин рискует принимать участие в конкурсах, боясь повредить своей репутации. Вы любите риск?

– Наоборот. Я боюсь. Ехать в Джексон было очень страшно – чужая страна, чужие порядки. Всем хорошо известно, что на этом конкурсе не очень любят русских. А мы с Димой Белоголовцевым оказались к тому же совсем одни – с нами не смог поехать никто из педагогов. Но мне было очень обидно, что я так и не испытала свои силы на большом и престижном международном конкурсе. Джексон оставался последним шансом, потому что мне уже было 25 лет. К счастью, риск себя оправдал.

Беседу вела

Анна ГАЛАЙДА

Фото Игоря ЗАХАРКИНА

“Газета”

А.Антоничева в спектакле “Лебединое озеро”

очень держались и трясались, чтоб его не потерять. Я не пропустила ни одного спектакля. И когда дошла из второй линии до первой, а потом стала первой “тенью”, это были настоящие события!

– На сцене вы живете в “предлагаемых обстоятельствах” со своим личным характером или ломаете себя под традиционный образ?

– Скорее, существую с собственным характером. Но в балете внешний вид – это часть успеха. Надеваешь костюм – и сразу чувствуешь себя другим человеком. Я всегда очень переживаю, если что-то не так с прической или головным убором. А когда все получается, как я хочу, это со-

теперь хожу смотреть на нашу молодежь. Но никто из них ко мне не подходит, ничего не спрашивает, не интересуется мнением старших. Для меня это странно. Зато когда бываю на гастрольях, общаюсь с балеринами там. В нашей профессии много секретов, и мы ими обмениваемся, ведь даже балетные туфли в разных странах делают по-разному.

– Когда-то Ольга Васильевна Лепешинская говорила, что ее всеююзная слава – следствие